

18+

Викторина
ЛАЙОНЕСС

ТАНЕЦ

по шипам роз

Танцы навстречу любви

Виктория Лайонесс

Танец по шипам роз

«Автор»

2023

Лайонесс В.

Танец по шипам роз / В. Лайонесс — «Автор», 2023 — (Танцы навстречу любви)

Танцы - вся моя жизнь. А сцена всегда была заветной мечтой. После очередного выступления на пороге моей гримерной появится загадочный незнакомец со странным предложением танцевать для него в его доме за приличное вознаграждение. Оскорбленная такой наглостью, я отказываю ему. Но свалившаяся череда проблем вынуждает забыть про гордость и принять предложение. С какими тайнами мне предстоит столкнуться? Смогу ли я оставаться равнодушной или поддамся внезапно возникшим чувствам?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктория Лайонесс

Танец по шипам роз

Пролог

Мне ужасно скучно. И это самое отвратительное чувство, которое возникает, когда я ничем не занят. Я привык всегда быть при деле. Моя голова находится в постоянной непрерывной работе. Но когда я решаю отбросить все дела, как сегодняшним субботним вечером, на меня накатывает гребаная скука.

Я уже посидел в баре и даже успел познакомиться с симпатичной брюнеткой, но почему-то не стал приглашать ее к себе. Нет настроения. Сам не знаю, что со мной не так.

Мой водитель, везущий меня по освещенному ночными огнями Нью-Йорку, останавливается на светофоре, и взгляд падает на афишу с фотографией танцующей женщины в традиционном платье, характерными для этого эмоционального испанского танца, который мне хорошо знаком и всегда вызывал интерес.

“Сегодня и только у нас! У Вас есть возможность забыть обо всем и насладиться завораживающими и страстными ритмами фламенко с неповторимой и загадочной Розой Перес!”

Прохожусь по последним словам текста афиши, когда машина начинает движение.

– Останови здесь! – резко отдаю приказ водителю.

– Конечно, сэр, – отвечает тот и паркуется у бордюра.

Выхожу из салона, ступая на мокрый после растаявшего первого ноябрьского снега асфальт, и иду в направлении входа в клуб под названием “У Стила”, где, судя по времени, указанному на афише, выступление идет уже минут десять.

Открываю дверь, и у входа меня встречает тучный и почти такой же высокий, как и я, секьюрити в черном костюме.

– Добрый вечер, сэр. Чем могу помочь?

– Добрый вечер. Я на выступление.

– Ваш билет?

А что еще нужен билет?

– У меня его нет, – быстро отрезаю.

– Без билета я вас пустить не могу.

Какого черта?!

– Тогда продайте мне билет, – мне начинает уже откровенно надоедать этот разговор. Он не знает, с кем связывается. Удивительно, что он вообще не узнал меня. Возможно, не местный.

– Я не продаю билеты. А даже если бы и продавал, их уже все раскупили.

– Даже так? – удивляюсь, что такой вид развлечений настолько пользуется спросом в наше время.

– Да, сэр. Когда выступает Роза, билеты раскупают за неделю, – становится еще более интересно.

– Возможно, это подойдет вместо моего билета, – достаю из кармана сотенную купюру и протягиваю ему.

– Сэр, заберите ваши деньги.

Какой правильный мне попался охранник. Я давно привык именно так решать вопросы, и раньше у меня с этим не возникало проблем. Но, похоже, с этим клиентом все будет не просто.

– Давно вы здесь работаете... Бил? – читаю имя на бейдже, собираясь прибегнуть к крайней мере.

– Недавно, сэр.

– Я здесь частый гость. Если вы сейчас же меня не пропустите, я позвоню вашему боссу, и вы здесь больше работать не будете, – смотрю на него, не отводя глаз.

– Сэр...я не знал... – сразу теряется от моего пристального взгляда, который на всех действует одинаково. – Прошу прощения. Проходите. Хорошего вечера, – отступает в сторону.

Спускаюсь вниз по лестнице почти в полумраке. Оказываюсь в коридоре с красной подсветкой на полу и иду на звуки музыки.

Вхожу в темное помещение, где за небольшими круглыми столиками сидят посетители, а перед ними на невысокой деревянной сцене, освещенной софитами, сидя на барном стуле, поет мужчина. А другой играет на гитаре.

– Добрый вечер, – сбоку появляется молодая официантка и откровенно проходится по мне оценивающим взглядом, хлопая накладными ресницами. – Желаете присесть за столик? – ее голос меняется, становясь томным и зазывным.

– Желаю.

– Я провожу вас, – идет впереди меня, слишком сильно виляя бедрами. – Вот сюда, сэр, – указывает на свободный столик позади остальных.

– Спасибо, – распахиваю пальто и сажусь на стул.

– Ваше меню, – протягивает мне кожаную папку.

– Не нужно, – отказываюсь, и девушка недовольно поджимает накрашенные губы. – Принесите мне двойной скотч со льдом.

– Хорошо, – официантка уходит, и я направляю взгляд на сцену, где музыканты только что закончили выступление.

По залу разносится волна аплодисментов и быстро затихает.

Музыкантов сменяют другие, один из которых тоже с гитарой, а другой со специальным ударным инструментом, называемым кахоном, на котором музыкант сидит во время исполнения и стучит по нему пальцами. За ними на сцене появляется мужчина с микрофоном.

– Дорогие друзья, пришло время неподражаемой Розы! Встречайте! – он указывает рукой назад, и на сцену выходит женщина с афиши. В жизни она совсем другая. Выглядит моложе. Думаю, ей нет и тридцати. Невысокая брюнетка с изящной стройной фигурой, которую особенно подчеркивает черное платье с пышным низом и нашитыми на нем оборками красного цвета. Указанная на афише фамилия испанская, но она не похожа на испанку, хотя весь этот образ очень ей подходит. В блестящих угольно-черных волосах, заплетенных в пучок на затылке, красуется красный цветок, и все это разбавляется массивными черными серьгами в ушах.

Девушка сдержанно улыбается залу, но не произносит и слова, становясь по центру сцены. Ведущий уходит и наступает тишина.

Она становится в позу, подняв правую руку над головой, и расправляет тонкие длинные пальцы в характерном движении. Левую она прижимает к животу и отставляет одну ногу в сторону, поставив на носок туфли. Повернув голову в бок, она приподнимает подбородок и чуть приоткрывает ярко-алые пухлые губы.

Раздаются звуки ритмичной мелодии, и девушка начинает двигаться. Ее движения пускают волну по залу, и я слышу, как присутствующие охают. От нее исходит такая сумасшедшая экспрессия, которая доходит даже до меня. Делаю большой глоток принесенного спиртного и провожу рукой по щетине, довольно ухмыляясь. Скуку как рукой снимает, и я с благоговейным интересом наблюдаю за происходящим на сцене.

Девушка вкладывает в танец все свои чувства и эмоции. На ее красивом лице отражается неимоверная грусть и в то же время страсть, огонь, пожар.

Движения рук завораживают. А то, как профессионально она откидывает ногами тяжелый подол платья, отдаются жаром по телу. Есть в этом зрелище что-то изысканное и ужасно манящее.

Ее танец как произведение искусства. А я, как заядлый коллекционер, просто не могу не заполучить такой экземпляр в свою коллекцию. И в один момент в моей голове возникает навязчивая идея.

А когда такое происходит, меня уже не остановить. Я привык получать то, что хочу. Захочет она того или нет, но ей придется согласиться на мои условия.

Но для начала мне нужно все подготовить...

Глава 1

Роза

Закрываю книгу, закончив читать очередную главу, и поднимаю взгляд на маму.

– Осталось еще две главы, – стараюсь придать своему голосу бодрости и кладу книгу на тумбочку, стоящую рядом с кушеткой.

– Спасибо, дорогая. Я что-то устала. Наверно, мне нужно поспать, – ее голос звучит измученно, и мое сердце снова сжимается в груди.

Смотрю на свою маму и до сих пор до конца не верю, что это та молодая красивая женщина, которой я всегда восхищалась и старалась подражать. Ее лицо осунулось из-за худобы. А под некогда яркими зелеными глазами красуются темные круги. Видеть ее такой – просто невыносимое зрелище. Внутри все переворачивается от осознания того, что я не могу ей ничем помочь. Я бессильна. И это бессилие убивает меня.

– Отдыхай, мама, – поднимаюсь со стула и целую ее в лоб. – Я приду завтра, – беру сумку с пальто и иду к двери.

– Роза... – окликает меня, и я поворачиваюсь к ней. – Спасибо за то, что всегда была рядом, доченька. Я люблю тебя. Передай своей сестре и моему внуку, что я тоже их очень люблю, – ее слова звучат словно прощание, и мои глаза наливается слезами.

– Я передам, мам. Мы тебя тоже очень сильно любим, – произношу дрогнувшим голосом и спешу выйти из палаты, чтобы только она не видела, как я изливаю свою боль, закрыв рот рукой.

– Мисс Самерс, – за моей спиной звучит голос маминого доктора и оборачиваюсь, быстро смахнув слезы с глаз.

– Слушаю вас, доктор Мендас?

– Вашей матери становится все хуже, – произносит то, что я и так знаю. – Мне жаль вам это говорить, но вам нужно готовиться.

– Сколько ей осталось?

– Трудно сказать. Возможно, неделя, а может, и несколько дней.

– Спасибо, доктор Мендас. Вы хорошо заботитесь о ней.

– Это наша работа, мисс Самерс. Всего вам доброго, – улыбается теплой улыбкой и уходит дальше по коридору.

Поворачиваю голову, взглянув на дверь, за которой уже не один месяц моя мама борется за жизнь из-за прогрессирующего рака молочной железы и впервые ощущаю такой непомерный страх. Насколько может быть непредсказуема наша жизнь. Ты можешь жить и радоваться, не зная, что завтра все может закончиться.

Маму скосило очень быстро. Не прошло и полугода, как мы узнали о ее болезни. Еще семь месяцев назад мы строили с ней планы, как обновим ремонт в студии нашей школы танцев, где теперь я уже в одиночестве преподаю уроки испанских танцев. За долгих десять лет паркет изрядно поизносился, и хотелось, чтобы в помещении стало больше зеркал. Мы о стольком мечтали и хотели воплотить в жизнь, но в один момент все ушло на задний план.

Поднимаю голову к потолку и закрываю глаза, сделав глубокий судорожный вдох. Выдыхаю и следую к выходу из клинического центра. Оказываюсь на улице и сильнее кутаюсь в пальто. Уже совсем стемнело, и прохожие спешат по своим делам, как всегда не замечая ничего вокруг. Нью-Йорк снова осыпает мокрым снегом, который тает, едва коснувшись земли. Тело бьет дрожь. За последние дни сильно похолодало, и это очень усложняет дорогу из разных частей города.

Вижу приближающуюся желтую машину такси и машу рукой. Водитель останавливается, и я быстро сажусь в теплый салон.

– Куда, мисс?

– На восемнадцатую авеню, пожалуйста.

– Хорошо, – водитель нажимает кнопку счетчика, и я автоматически начинаю прокручивать в голове наши скудные остатки денег.

Все наши сбережения ушли на мамино лечение, которое ни к чему не привело. Последние деньги я отдала за аренду студии, и, по сути, у нас осталось с сестрой совсем немного. В следующую субботу мое очередное выступление, и я надеюсь только на него. В последний раз удалось неплохо заработать, и это единственное, что помогает поддерживать нас на плаву. Ведь помимо мамы нам с сестрой приходится покупать лекарство для моего племянника, который болен редким генетическим заболеванием. Пока у нас нет возможности отправить его в Европу, где его болезнь успешно лечится, поэтому нам приходится поддерживать его таблетками.

К сожалению, школа не приносит тех доходов, которые хотелось бы. Мы надеялись с мамой после ремонта заняться рекламой, чтобы к нам начали приходить как можно больше учеников, но ничего не вышло и теперь вряд ли получится. Мне даже пришлось возобновить преподавание испанского языка для школьников, чтобы мы не остались совсем без денег и могли оплачивать аренду.

Школа – это единственное место, где я могу хоть на пару часов забыть о своих проблемах и раствориться в любимом танце. Я танцую с раннего детства, и это всегда было для меня чем-то важным, как воздух, которым мы дышим. Именно в танце я становлюсь собой. На сцене я отдаю себя полностью и впитываю взгляды и восхищение зрителей, заряжаясь этой энергией. Это похоже на наркотик, от которого наступает зависимость. Если я долго не танцую, меня начинает ломать. Я не представляю своей жизни без танца. Без него я просто зачахну.

Такси подвозит меня к нужному адресу и, расплатившись, спешу выйти на промозглый воздух. Открываю дверь квартиры и вхожу, стараясь не шуметь, на случай, если племянник будет спать.

– Привет, – в коридоре появляется сестра.

– Привет, Кори, – кидаю сумку на столик и снимаю пальто, вешая его в шкаф.

– Ты была у мамы?

– Я только от нее.

– Как она?

– Нам нужно готовиться, сестренка, – прохожу мимо нее на кухню.

– Все так плохо? – идет за мной.

– Доктор сказал, ей с каждым днем все хуже. Ей осталась неделя, а может меньше, – зачем-то заглядываю в холодильник, хоть есть совсем не хочется.

– Мне нужно как-то попасть к ней вместе с Гарри.

– Я завтра опять собираюсь к ней. Можем съездить вместе. Только домой вам придется ехать без меня, я сразу же поеду в школу, – закрываю холодильник и включаю чайник, чтобы просто попить чай.

– Почему ты сегодня не в школе?

– На нашем этаже какие-то проблемы с проводкой. Сегодня там проводились ремонтные работы. Пришлось отменить занятия.

– Ясно, – сестра садится на стул напротив меня. У нее уставший вид, и я уверена, что выгляжу сейчас не лучше. Мы все изрядно измучены всем свалившимся на нас.

– Как себя чувствует Гарри?

– Сегодня он был достаточно активным днем. И теперь спит без задних ног.

– Я рада.

– Роза, у нас заканчиваются лекарства. Нужно заказывать новую партию. Займет время, пока она придет, – произносит сестра и внутренности сжимает в тугой узел. Начинает накатывать отчаяние. Иногда кажется, что еще немного, и я просто не справлюсь со всем этим.

– Когда нужно заказать? Есть еще пару дней? Я выступаю в эту субботу.

– Еще пару дней есть. Но лучше не медлить.

– Хорошо. Закажем сразу, как мне переведут деньги за выступление.

– Спасибо тебе, сестренка. Даже не знаю, чтобы мы делали без тебя. Я даже не могу устроиться на работу и помочь тебе.

– Все нормально, Кори. Мы справимся, – стараюсь подбодрить сестру, а сама ощущаю, как земля уходит из-под ног.

Кори пришлось совсем нелегко, когда у Гарри обнаружили заболевание. Отец Гарри, с которым они тогда жили вместе вне брака, ушел от нее сразу, как узнал, что его сын серьезно болен. За все годы от него не пришло ни копейки помощи. Он даже ни разу не объявился, чтобы узнать, как его сын.

Никогда не понимала таких людей. Как только они могут нормально жить потом, зная, что оставили беспомощного ребенка. Кори пришлось уволиться с работы, и мы с мамой сразу забрали ее к нам. Мы всегда были друг за друга горой, и я на все готова, чтобы единственные оставшиеся у меня родные могли нормально жить.

Наш отец умер, когда мы были еще совсем маленькими, и мама поднимала нас с сестрой одна, без всякой помощи. Помимо выступлений в профессиональном ансамбле, маме приходилось работать еще на двух работах, чтобы вырастить и выучить нас. Мама всегда была для нас примером сильной и независимой женщины.

– Вернусь к Гарри. Если он проснется, может испугаться, что меня нет рядом.

– Ладно. Я попью чай, и сама пойду укладываться. Я ужасно устала.

– Хорошо, Роза.

– Не забудь, пожалуйста, запереть мою дверь.

– Конечно, сестренка. Я люблю тебя, – тепло улыбается мне.

– И я люблю тебя, – Кори уходит, и я остаюсь одна, наедине с тяжелыми мыслями.

Просьпаюсь из-за того, что стало холодно. Открываю глаза и, моргнув несколько раз, чтобы сфокусировать зрение, понимаю, что нахожусь не в своей спальне. По позвоночнику бежит холод от того, что это опять происходит со мной. Кори, видимо, забыла закрыть дверь моей комнаты. Я сижу на диване в гостиной, прижав колени к груди, в одной легкой ночной сорочке. Вокруг царит тишина, и в помещении темно. Я чувствую, как быстро в груди бьется сердце, и тело окутывает страх.

Сколько я так просидела?

Уже давно такого не случалось.

Неужели мне снова придется вернуться к таблеткам?

Спускаю затекшие ноги с дивана и плетусь в свою комнату. Закрываю дверь и щелкаю замком, зная, что это совсем не преграда. Но вряд ли сегодня это снова повторится. Маловероятно, что я вообще смогу заснуть.

Смотрю на часы на прикроватной тумбочке, показывающие почти пять утра, понимая, что просидела там не один час.

Ложусь на кровать и зарываюсь под одеяло, свернувшись в позу эмбриона. Стараюсь глубже дышать, чтобы успокоить сердцебиение, и закрываю глаза, ожидая звонка будильника.

Глава 2

– Доброе утро, сестренка, – за моей спиной раздается голос Кори в тот момент, как я выливаю разболтанные яйца на раскаленную сковороду.

– Доброе утро, – приветствую ее, не оборачиваясь.

– Привет, тетя Роза, – слышу бодрый голосок своего четырехлетнего племянника и по сердцу разливается приятное тепло.

– Привет, дорогой. Выспался? – кидаю в его сторону короткий взгляд, перемешивая омлет лопаткой.

– Ага. Мама сказала, что я крепко сегодня спал.

– Это замечательно. Мама предупредила, что сегодня мы поедem навестить бабушку?

– Да. Я очень соскучился по ней.

– Она тоже по тебе соскучилась, дружок.

– Как ты сегодня спала? – задает вопрос сестра и я встречаюсь с ней взглядом.

– Сегодня это опять повторилось, Кори.

– Ох, дорогая. Постой! Черт! – закрывает рот рукой, посмотрев на сына. – Я совсем забыла закрыть твою дверь. Ты как? Все в порядке? – быстро оказывается рядом со мной, осмотрев меня встревоженным взглядом.

– В порядке. К счастью, я просто сидела на диване в гостиной.

– Прости меня, Роза. Я такая безответственная, – сжимает мою руку, виновато посмотрев на меня.

– Все хорошо, Кори. Не вини себя, – кладу руку поверх ее.

– Нет. Вовсе не хорошо. Мало того, что я никак не помогаю материально. Так еще и не могу выполнить элементарную просьбу. Я подвергла тебя опасности. Я ужасная сестра, – не прекращает свою тираду, отводя глаза.

– Кори, посмотри на меня, – поворачиваю ее за подбородок и замечаю стоящие в карих глазах слезы. – Ты ни в чем не виновата. Слышишь? Я не ребенок, чтобы со мной так возиться.

– Но я пообещала маме... – запинается.

– О чем ты?

– Я не говорила тебе, но когда я была у нее в последний раз, она попросила меня позаботиться о тебе. За тобой нужно присматривать.

– Не переживай так за меня. Я просто снова начну принимать лекарства, чтобы такое больше не повторилось.

– Но ты же говорила, что тебе не нравится, как ты чувствуешь себя после них.

– Говорила. Но я давно их не принимала. Может, в этот раз будет по-другому.

На столе раздается звонок моего мобильного, и мы вместе с сестрой оборачиваемся на его звук.

Снимаю сковороду с огня и подхожу к столу, улыбнувшись своему племяннику, играющему с машинкой.

Беру телефон и когда вижу на дисплее номер клинического центра, все внутри напрягается.

– Д-да, – дрожащим голосом отвечаю на звонок.

– Мисс Самерс, вас беспокоит доктор Мендас.

– Я слушаю вас, доктор.

– Простите, но я с плохой вестью. Мне очень жаль. Но этой ночью ваша мать скончалась, – звучит в трубку, и внутренности обжигает огнем. Прикладываю руку к груди, почувствовав, как стало не хватать воздуха. Открываю рот и начинаю дышать, как рыба, выброшенная на берег.

– Мамочка... – шепчу и начинаю всхлипывать.

– Мисс Самерс? Вы в порядке?

– Простите...яяя... – не могу остановить слезы, льющиеся из глаз.

– Роза, что случилось? – рядом оказывается Кори.

– Я скоро приеду, доктор Мендас. Спасибо, – проговариваю сквозь плач и нажимаю кнопку сброса.

Облокачиваюсь руками о стол и даю волю слезам.

– Мама? Это звонили на счет мамы? – спрашивает Кори, начиная плакать вместе со мной.

Ничего не ответив, просто киваю головой, закрыв рот рукой. Кори крепко обнимает меня, и я хватаюсь за нее, сотрясаясь в беззвучных рыданиях.

– Мамоchка, а почему вы плачете? – раздается голос Гарри, и он оказывается рядом, обняв нас с сестрой за бедра.

– Ничего, сынок. Просто нас расстроили на счет твоей бабушки.

– гладит сына по головке, пока я пытаюсь взять себя в руки.

Никогда нельзя заранее оценить свою реакцию, когда тебе сообщают о смерти родной матери. Даже если ты знал, что это рано или поздно произойдет. Еще вчера я смотрела в ее глаза и слышала голос, а сегодня ее уже нет на этом свете.

На этом все. Мы остались с сестрой совсем одни. У нас больше нет никого, кроме Гарри.

Почему-то именно сейчас мне так сильно захотелось закрыться в студии школы и забыться в любимом танце. Но сейчас мне точно будет не до школы. Придется отменять ближайшие занятия и заняться похоронами, деньги на которые мама предусмотрительно заставила меня отложить заранее, будто чувствовала, что все равно уйдет.

Весь вчерашний день ушел на скорую подготовку, а сегодня мы уже хороним маму. В зале для прощаний при часовне собрались люди, в прошлом знающие мою маму. Здесь даже мамы преподаватели по танцам, которые пережили свою ученицу. Среди пришедших замечаю тех, с кем мама когда-то танцевала в ансамбле. Один из них – ее бывший партнер по парному фламенко, с которым у мамы даже был короткий, но бурный роман.

– Мисс Самерс, я искренне вам соболезную, – слышу сбоку обращение и, повернувшись, замечаю одну из наших учениц из школы.

– Спасибо, Зои.

– Ваша мама была настоящим профессионалом и замечательным человеком. Нам всем очень будет не хватать ее. Мы очень надеемся, что вы не опустите руки и продолжите ее дело, обучая нас.

– Конечно, Зои. Школа будет продолжать свою работу.

– Мы очень будем ждать вашего возвращения. Еще раз соболезную, мисс Самерс. Всего доброго.

– Всего доброго, Зои.

Еще целый час мне приходится слушать слова утешения и соболезнования, едва стоя на ногах. Слез уже не осталось. Меня просто окутала смертельная усталость.

– Ты как, сестренка? – Кори сжимает мое плечо.

– Держусь из последних сил.

– Мы должны быть сильными, дорогая.

– Я знаю. И буду, но не сегодня.

В зале появляется священник и дает команду для погребения. Специальные люди поднимают гроб с мамой и выносят его из зала. Выходим с сестрой, держась под руку, и все присутствующие следуют за нами до места вырытой ямы.

Дрожа от холода и нервного напряжения, стоим с Кори, слушая проникновенную речь священника. Хочется, чтобы поскорей это все закончилось. Начинает мучить головная боль, сжимающая виски. Кажется, еще немного, и я просто завалюсь к ногам сестры.

- Ты в порядке, Роза? – где-то на фоне слышу голос Кори.
- Ужасно разболелась голова.
- Ты пила сегодня таблетки?
- Пила.
- Может, опять побочный эффект?
- Не знаю. Я уже ничего не знаю.
- Потерпи, дорогая.

После погребения следуем к ожидающей нас машине и спешим домой к Гарри, которого оставили с няней.

Поздно вечером, уложив племянника спать, сидим с сестрой на кухне, допивая бутылку белого вина.

На душе пустота и чувство отрешенности. Мы обе думали, что от усталости завалимся спать, но нам совсем не спится.

- Неужели это правда? Я до сих пор не могу поверить, – нарушает тишину голос сестры.
- Я тоже, Кори, – обреченно вздыхаю, посмотрев впереди себя невидящим взглядом.
- Я даже еще не сказала Гарри. Не знаю, как объяснить ему, что его любимой бабушки больше нет. Я так боюсь, что он расстроится и ему станет плохо.
- Не спеши. Подумай, как лучше мягко его подвести к этому.
- Да. Наверно, ты права. Лучше не спешить, – делает глоток из бокала. – Завтра уже вернешься к занятиям в школе?
- Я не могу больше отменять. Нам нужны деньги. Да и не хочется, чтобы ученики начали уходить от нас. К тому же мне нужно подготовиться к выступлению и хорошенько отрепетировать новый танец.
- Конечно. Уверена, тебе пойдет это на пользу, и ты сможешь немного отвлечься.
- Ты не представляешь, как я хочу поскорей оказаться в студии.
- Даже не знаю, как так получилось, что я не ударились в танцы, как ты, – улыбается грустной улыбкой.
- У тебя были другие интересы.
- Наверно просто я пошла в папу. А ты с детства любила подражать маме. Никогда не забуду, как застучала тебя, когда ты добралась до ее концертных платьев и нарядилась в одно из них, пытаясь танцевать.
- Дааа, – смеюсь. – Сколько мне тогда было?
- Всего три. Платье было тебе совсем большое. Ты едва не порвала его, оступившись о длинный подол. Мама разозлилась бы, если бы узнала тогда.
- Спасибо, что ты не проговорила.
- Как же я могла, Роза. Ты моя любимая младшая сестренка. Я уже тогда знала, что ты будешь танцовщицей, как и мама. Твои способности проявились очень рано. Даже мама говорила, что ты была рождена для сцены. Я даже немного завидовала тебе в том, что ты знала, кем хочешь стать. А я в старшей школе еще не была уверена, чего по-настоящему хочу.
- Главное, что ты определилась. И из тебя вышел хороший финансист.
- И какой теперь толк от моих знаний, если я нигде их не реализую?
- Все изменится, Кори. Я тебе обещаю, что найду деньги на лечение Гарри и вот увидишь, твой сын будет здоров.
- Я не хочу, чтобы ты жертвовала собой ради нас, Роза. Ты достойна большего. Тебе пора уже строить свою семью. А не возиться с нами.
- Я ничем не жертвую, сестренка. Просто в моей жизни нет ничего важнее вас.
- А как же любовь?

– Какая любовь, Кори? Я не знаю, что это такое, – смеюсь, но мой смех выходит каким-то ненастоящим.

За свои двадцать семь лет я ни разу не была влюблена. И как бы смешно не было, я никогда ни с кем не строила отношений. По пальцам одной руки можно пересчитать мужчин, с которыми у меня был секс.

И ни с одним из них дальше интимной близости не заходило. Дольше всего мы продержались с моим бывшим партнером по танцам, с которым сейчас просто общаемся, как близкие друзья. Лукас всегда был очень добр ко мне. Когда мы только начали танцевать, между нами пробежала искра, и это вылилось в хороший танцевальный тандем, с которым мы несколько раз побеждали в конкурсных соревнованиях. Но так сложилось, что постепенно роль любовников сменилась дружбой. Мои чувства к нему так и не перешли грань чего-то большего. Может быть, я просто не умею любить. Главной любовью в моей жизни есть и всегда будут танцы.

– Ты не можешь всю жизнь просто быть танцовщицей. Ты в первую очередь женщина. Хрупкая, нежная и красивая. Тебе нужен мужчина. Тот, который сможет позаботиться о тебе.

– Я слишком неправильная, Кори. Мало кто захочет мириться с моими проблемами. Я никогда не забуду, как тот парень из колледжа сбежал посреди ночи, когда увидел меня, безмолвно стоящую у окна.

– Он был незрелым мальчишкой. Перестань всех судить по нему.

– Может, мы уже пойдем спать? – почему-то разговор о мужчинах меня слишком утомил.

– Ладно. Тебе рано вставать.

– Не забудь...

– Не забуду, Роза, – не дает договорить. – Я закрою дверь. Не волнуйся.

– Спасибо, сестренка. Спокойной ночи. Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. Спокойной ночи, дорогая.

Глава 3

– Приветствую всех, – прохожусь взглядом по собравшимся в студии ученикам. – Сегодня мы продолжаем наши занятия и будем учиться третьей методике “флорео”. Для тех, кто, возможно, пропустил последние занятия. Немного повторюсь. “Флор” в переводе с испанского означает цветок. А в танце фламенко “флорео” характеризует движение кистей. Когда вы плавно вращаете кистями, это напоминает раскрытие и закрытие бутона цветка. Флорео – один из важнейших элементов во фламенко. Вы должны всегда помнить об этом. Как только вы освоите все правила и особенности, у вас будет не один козырь в руках. Для начала мы станем с вами в базовую позицию. Подтянем верхнюю часть тела. Вытягиваясь от талии до макушки вверх, не прогибаясь в пояснице. Ваша спина должна быть ровной, – наблюдаю, как все повторяют за мной. – Отлично. Сегодня мы будем тренировать веерный стиль флорео из основных позиций рук по классической испанской школы фламенко. Он проявляется в работе наших пальцев, – демонстрирую на себе, выставив одну руку перед собой. – При круговом движении кистью вы постепенно раскрываете пальцы один за одним, широко и неторопливо. – Повторяем за мной, – поворачиваюсь спиной к ученикам и лицом к большому настенному зеркалу. Внимательно слежу за отражением, чтобы у всех получалось правильно. После нескольких повторов поднимаю обе руки над головой. – А теперь мы будем пробовать делать флорео из разных позиций. Ваша задача не забывать вытягивать позвоночник и тянуться макушкой вверх, – опускаю руки и подхожу к одной из учениц, помогая ей стать правильно. – Вот так. Молодец, – возвращаюсь на свое место и снова поднимаю руки. – Итак. Вращаем кисти к себе. По-испански это значит энтро. И от себя фуэра. Медленно и плавно. Энтро и Фуэра. Ваши движения должны быть неторопливыми. Еще раз. Энтро затем Фуэра.

– Ох...это не так просто, мисс Роза, – одна из учениц опускает руки, встряхивая ими.

– Я знаю, Мили. Поначалу это очень непросто. Но со временем будет намного легче, и ты сама удивишься, когда у тебя начнет получаться все лучше и лучше.

– У вас все так изящно получается, а я выгляжу ужасно неуклюже.

– Какое это для тебя по счету занятие? – интересуюсь, собираясь развеять ее неуверенность.

– Кажется, седьмое.

– А вот Зои у нас уже больше полугода. Зои, подойди, пожалуйста, – зову девушку, и та подходит ко мне.

– У тебя все сразу получалось?

– Нет, конечно. Иногда мне хотелось все бросить, так неловко я себя чувствовала. Но после постоянных тренировок все стало понемногу получаться.

– Покажи какие флорео ты уже умеешь делать, – отхожу в сторону.

– Конечно, мисс Самерс.

Стоя в стороне, наблюдаю, как плавно и красиво Зои двигает руками и по-настоящему горжусь ей. Нет ничего лучше, когда твои ученики достигают хорошего уровня.

– Умница, Зои. Спасибо, – указываю ей рукой, чтобы она возвращалась на свое место. – Вот видите? Главное – вера в себя, девочки. У вас все обязательно получится. Научитесь получать удовольствие от процесса. Это очень помогает. Итак, продолжаем.

После полутора часов занятий благодарю всех учеников и прощаюсь с ними до завтра, собираясь задержаться и порепетировать субботнее выступление, которое будет уже послезавтра.

– Мисс Самерс! – окликают меня, прежде чем успеваю скрыться в гримерной.

– Да? – поворачиваюсь и смотрю, как Зои и еще несколько постоянных учениц идут ко мне.

– Мы хотели кое – что подарить вам, – протягивают мне свернутый рулон бумаги с замотанным на нем красным бантом.

– Что это? – поднимаю на них растерянный взгляд.

– Откройте, – загадочно улыбаются.

Снимаю бант и разворачиваю рулон. Дыхание перехватывает, когда я вижу на бумаге фотографии, сделанные с мамой и мной в разное время после занятий. Под каждой из них написаны какие-то слова благодарности и приятные воспоминания.

– Это в память о миссис Самерс.

– Ох...девочки, – поднимаю на них взгляд, полный слез. – Спасибо вам. Я обязательно повешу это в своей гримерной, – подхожу и обнимаю каждую.

– Вы же нас не бросите?

– Нет. Ну что вы. Эта школа – наше с мамой детище. Она очень многое значит для меня.

– Мы рады. Вы замечательный тренер. Всего доброго, мисс Самерс. До завтра.

– До завтра, мои дорогие, – провожаю их взглядом.

Захожу в гримерную, и закрыв дверь, облокачиваюсь об нее спиной, давая волю слезам.

Не знаю, сколько проходит времени, когда я отталкиваюсь от двери и, вытерев мокрое лицо, подхожу к зеркалу. Мое лицо покраснелось после занятия, а глаза все еще блестят от слез. Голова снова раскалывается, но я уже начинаю привыкать к этой побочке от лекарств.

Беру в руки пудру и наношу на щеки. Почему-то сейчас я особенно похожа на маму. В детстве все говорили, что я ее маленькая копия.

Начинаю улыбаться своему отражению, будто это мама улыбается мне. В одну секунду ко мне приходит понимание того, что мама хотела бы, чтобы я была сильной. Она всегда говорила, что любые испытания приходят в нашу жизнь не просто так. И наша задача не опустить руки, а принять все, что нам предначертано. Я должна быть терпимой ради мамы.

Поправив одежду и прическу, направляюсь в зал. Пора заняться тем, что приносит мне настоящую радость и помогает забыть о своей боли.

Стою за кулисами сцены, ожидая, когда меня объявят, и стараюсь дышать ровно. Еще раз пробегаюсь взглядом по своему платью, переживая, чтобы все было идеально. Я перфекционист в том, что касается сценических образов. Сегодня на мне белоснежное платье с большими воланами на рукавах, обшитыми зеленой тесьмой. Пышный подол юбки с многочисленными оборками такого же цвета, как и тесьма на рукавах. Волосы заплетены в высокую прическу с прямым пробором на голове и сбоку приколота массивная заколка в виде белой розы. А в ушах круглые белые серьги.

– Встречайте неподражаемую Розу! – слышу слова ведущего, и сердце бросается в дикий пляс.

Выхожу на сцену и прохожусь быстрым взглядом по залу, увидев, что все столики заняты. Сдержанно улыбаюсь и становлюсь в центре.

Поднимаю обе руки над головой и расправляю пальцы, выставив одну ногу вперед. Начинает играть гитара и плавно, словно по льду, вожу носком туфли из стороны в сторону. В это же время мои кисти двигаются вместе с пальцами, создавая гармонию. Опускаю руки и развожу их в стороны, продолжая делать круговые движения запястьями. Я слышу звуки восхищения, доносящиеся из зала, и по телу разносится волна экстаза, окутывающая с головой.

На миг замираю в позиции и когда к гитаре присоединяются звуки кохона, а музыка резко сменяется на ритмичную, хлопаю в ладоши над головой и приветствую зал громким возгласом “халео”.

К рукам присоединяются топанье каблуками туфель в такт музыке, и я забываю, что нахожусь на сцене. Тело обдает жаром от накатившего удовольствия. То, что я испытываю, когда отдаюсь танцу, сродни сексуальному возбуждению. Моя кровь бурлит. По коже бежит

волна мурашек. Я вкладываю в свой танец всю ту страсть, что накопилась во мне. Раскрываюсь полностью. Здесь и сейчас я достигаю седьмого неба. Наслаждаюсь каждой секундой и впитываю в себя вибрации, идущие от зрителей.

Возможно, это как-то связано с потерей мамы, но сегодня все по-особенному. Гораздо ярче. Эмоциональней. Жарче.

Делаю последний взмах руками и ногой, подбрасываю подол платья, когда музыка замолкает.

Секундная пауза и зал наполняется криками “браво” и громкими аплодисментами. Замечаю, как люди с первых столиков встают, продолжая хлопать, и все остальные делают тоже самое.

– Благодарю! – прикладываю руку к груди и низко кланяюсь.

– Браво, Роза!

– Вы богиня!

– Спасибо, Роза!

Отправляю в зал воздушный поцелуй и ухожу со сцены.

– Молодец, Роза! – следует похвала от ведущего и по совместительству владельца заведения, встречающего меня за кулисами.

– Фух. Спасибо, мистер Стил, – пытаюсь перевести дыхание.

– Я уже подумываю запустить твоё выступление и по пятницам. У меня стало больше посетителей. Билеты на тебя расходятся очень быстро.

– Буду рада помочь вам с клиентами.

– Отлично. Отдыхай, Роза. Пойду посмотрю, что происходит в зале.

Возвращаюсь в гримерную и беру со стола бумажное полотенце, промокнув вспотевшее лицо и шею. Тело все еще объято приятной дрожью. Снимаю с головы заколку и собираюсь распустить волосы, когда в дверь раздается стук.

– Войдите!

Дверь распахивается, и в проеме возникают несколько человек, которые сидели за передними столиками.

– Мисс Перес, вы могли бы поставить свой автограф? – произносит мужчина.

– Да. Конечно, – подхожу и беру из рук протянутую ручку и билет на мое выступление, ставя размашистую подпись.

– И мне, пожалуйста, – просит женщина, и я оставляю подпись для нее.

Глава 4

Еще в течении получаса в мою гримерку заходят люди и просят автографы, которые я с радостью оставляю. Сегодня впервые чувствую себя настоящей звездой.

Когда шум за дверью утихает, и я наконец-то остаюсь в комнате одна, сажусь перед зеркалом, взглянув на себя. Сегодня в отражении на меня смотрит совсем другая девушка. Мои глаза горят. Их зеленый цвет стал особенно ярким. Я все еще чувствую отголоски испытанного на сцене.

Тянусь к шпилькам, держащим волосы, и достаю их, начиная расправлять длинные черные пряди пальцами.

Слышу стук в дверь и, не дождавшись моего ответа, кто-то открывает ее и входит.

– Добрый вечер, – звучит приветствие незнакомым низким мужским тембром, и я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на владельца голоса.

Заняв почти весь дверной проем, перед моим взором встает высокий и широкоплечий мужчина. Под расстегнутым темно-серым пальто я замечаю черный строгий костюм и такого же цвета рубашку под пиджаком. Поднимаю глаза к его лицу и цепляюсь взглядом за мужественный подбородок с легкой щетиной. Аккуратно очерченная линия острых скул гармонирует с прямым носом и чувственной формой губ. Чуть выющиеся и почти такого же черного цвета, как у меня, волосы лежат небрежными волнами.

– Добрый вечер. Вы хотели взять автограф? – первой нарушаю затянувшуюся паузу.

– Нет, Роза. Я не за этим, – приближается и протягивает мне массивный букет ярко-алых роз, который все это время держал в одной руке. – Ваш танец был прекрасен, – как только он оказывается рядом и свет от лампочек, включенных на туалетном столике, лучше освещают его лицо, я могу разглядеть цвет его глаз. И он поражает своей темнотой. Никогда не видела таких выразительных глаз. Я едва могу разглядеть зрачок, который сливается с чернотой радужки.

– Спасибо, – встаю и беру букет из его рук, вдыхая приятный аромат свежесрезанных цветов.

Наблюдаю за тем, как он осматривается вокруг с нескрываемым интересом.

– Роза Перес – это ведь не ваше настоящее имя? – кладет руки в карманы брюк, медленно прохаживаясь по помещению гримерной, где висит множество моих сценических нарядов.

– Нет. Это псевдоним.

– И как же вас зовут на самом деле? – касается пальцами ткани платья, в котором я танцевала на прошлом выступлении.

– Роза Самерс, – зачем-то отвечаю, не зная, кто передо мной. Вряд ли его можно назвать моим поклонником.

– Почему вы решили выступать не под своей настоящей фамилией?

– Люди охотней идут на артистов с экзотическими именами. Фламенко у большинства ассоциируется с Испанией, и я решила, что испанская фамилия на афишах будет смотреться лучше.

– Что-нибудь еще вас связывает с Испанией?

– Я чистокровная американка. Если вы об этом? Кроме испанских танцев, знания языка и любви к этой замечательной стране, меня больше ничего не связывает с ней. Только к чему все эти вопросы, мистер?..

– Лоуренс... – заканчивает за меня. – Эдриан Лоуренс, – поворачивается, посмотрев на меня своими пронзительными глазами.

– Что вам нужно, мистер Лоуренс? Раз уж вы пришли не за моим автографом?

– Станцуйте для меня, Роза.

– Что? – теряюсь от такой необычной просьбы.

– Вы слышали, – его тон становится тверже.

– Вы, похоже, ошиблись адресом. Я не танцую приватные танцы.

– Я заплачу в десять раз больше того, что вы сегодня заработали, если вы прямо сейчас станцуете для меня.

От его слов перехватывает дыхание. Сказать, что я оскорблена – это ничего не сказать.

– За кого вы меня принимаете? По-вашему, я похожа на шлюху, которую можно купить?

– Я этого не говорил. Если бы я так думал, меня бы здесь не было. На шлюху я могу потратить гораздо меньше денег. Я прошу у вас всего лишь танец и ничего больше, Роза, – в голосе появляется хрипотца.

– Зачем вам это? – прищуриваю глаза, посмотрев на него с подозрением.

На маньяка он не похож. Слишком прилично и дорого одет.

– Скажем...я, большой ценитель искусства. Не важно, в чем оно выражается. В живописи, литературе или танцах, – он смотрит прямо мне в глаза и становится не по себе от его черного взгляда.

Начинаю подсчитывать в голове сумму, которую он готов заплатить, и понимаю, что на эти деньги мы сможем с Кори купить Гарри лекарств не на один месяц вперед.

– Всего лишь танец? – уточняю.

– Только танец.

– Хорошо. Я станцую для вас, мистер Лоуренс.

– Отлично, – губ касается удовлетворенная улыбка.

Беру со столика шпильки, чтобы снова заколоть волосы.

– Нет. Не заплетайте волосы, – резко обрывает мои действия и опускаю руки.

– Ладно, – кидаю шпильки назад.

Выходим из гримерной в пустой зал, и мужчина спускается со сцены. Усаживается на стул, расслабленно закинув ногу на ногу.

На секунду теряюсь от того, что на меня устремлен взгляд не всего зала, а одного зрителя.

– Ну же, Роза. Не медлите. Вы так хорошо умеете это делать.

– Без музыки?

– Музыка не нужна. Я не слушаю ее, когда вы танцуете. Я смотрю на ваши движения, – его откровение говорит о том, что он уже бывал на моих выступлениях. Неужели ему этого не достаточно? Зачем нужно, чтобы я танцевала лично для него?

– Не заставляйте меня ждать. Мое время стоит очень дорого, – последняя фраза выводит меня из ступора, и я встаю в стойку, выставив одну руку перед собой и поворачиваю ее к себе ребром ладони. Тоже самое делаю со второй рукой, только уже в другую сторону, заведя ее за спину.

Притопнув каблуками туфель, начинаю кружиться вокруг своей оси. Поднимаю руки над головой и, быстро работая ногами, шелкаю пальцами в такт безмолвной музыке.

Меня окутывает странное и необычное ощущение. Я чувствую на себе его взгляд. От него в одно мгновение становится жарко, будто я танцую уже целый час без передышки перед полным залом. Сердце стучит, отдаваясь в ушах. Все мышцы работают в усиленном режиме. Пятки начинают болеть от того, как сильно я работаю ногами, выбивая каблуками ритмы фламенко. Двигаюсь по сцене, растворяясь в танце для совершенно незнакомого мне мужчины, и сама удивляюсь, что делаю это со всей отдачей.

Встряхнув волосами, подкидываю ногой подол платья и, сделав хлопок над головой, завершаю свой танец.

Наступает тишина, и все звуки затихают. Я слышу только свое тяжелое дыхание и барабнящее в груди сердце.

– Я знал, что вы не разочаруете меня, Роза. Вы созданы для этого танца, – замечаю, как мужчина поднимается со стула и подходит к сцене. Его рост настолько высокий, что наши лица оказываются почти на одном уровне.

Из внутреннего кармана пиджака он достает купюры и, отсчитав сумму, явно большую, чем обещал, протягивает мне.

Подхожу, чтобы взять деньги, но он резко отводит руку назад, и моя просто повисает в воздухе.

– У меня для вас предложение, Роза. Я хочу, чтобы вы танцевали для меня в моем доме. В любой день и время, когда мне этого захочется. Я буду платить вам ту же сумму за каждый ваш танец.

– Вы, должно быть, сейчас шутите? – из меня вырывается нервный смешок.

– Я похож на шутника? – темные брови сходятся на переносице, а глаза становятся еще чернее.

– Как вы себе это представляете?

– Очень просто, – отвечает с полным безразличием в голосе.

– Я не могу приезжать к вам и танцевать по любой вашей прихоти. У меня есть свои обязанности: работа в танцевальной студии, ученики, выступления. И вообще, что это за рабовладельческие замашки?

– Не вижу в этом ничего рабовладельческого. Я пока предоставляю право выбора вам. К тому же я буду платить вам по договору, который мы заключим. Все будет официально. Можете считать это вашей новой работой.

Почему мне кажется слово “пока” ключевым в его словах?

Я начинаю бояться этого мужчину. Похоже, он чувствует себя властелином мира.

– Откуда мне знать, что в какой-то момент вы не пожелаете, чтобы я станцевала для вас стриптиз?

– Я не так примитивен. Стриптиз я могу посмотреть в другом месте. Но с вашим танцем он все равно никогда не сравнится, – очередной комплимент выбивает почву из-под ног.

Как бы мне не нужны были деньги, я не могу так рисковать. Я не знаю, как далеко он может зайти. В конце концов, я вижу этого человека в первый раз в своей жизни.

– Спасибо за ваше предложение, мистер Лоуренс. Но я вынуждена отказаться.

Замечаю, как в его взгляде что-то мелькает. На губах появляется ухмылка, и взгляд становится каким-то зловещим, отчего по позвоночнику бежит холодок.

– Позвоните мне, когда передумаете, – достает из кармана визитку и кладет ее на край сцены вместе с деньгами. – До встречи, Роза, – прощается и уходит.

Стою, застыв на месте, и пытаюсь переварить услышанное.

Что это сейчас было?

Он прямо дал понять, что мы с ним еще встретимся. Но я точно не передумую. В этом мужчине есть что-то опасное. Я никогда в своей жизни не встречала настолько наглых и беспринципных типов.

Согласиться на его условия – значит попасть в его руки. Кто знает, что у него на уме.

Опускаюсь и поднимаю визитку, читая написанное золотистыми буквами:

“Эдриан Лоуренс, генеральный директор холдинга

“ЭЛ-интерпрайзис”

Сглатываю вязкую слюну, посмотрев на стул, где еще несколько минут назад сидел этот странный мужчина. Голова снова начинает болеть, как это часто происходит под вечер. Забираю деньги и направляюсь в гримерную.

Приезжаю домой почти в полночь и вхожу в квартиру, прижимая букет роз к груди. Не знаю почему, но решила забрать цветы домой. Они то уж точно не виноваты в том, что их даритель оказался с непонятными замашками.

Оставляю сумку в коридоре, и иду на кухню в поисках подходящей вазы. Стараюсь не шуметь, чтобы не разбудить сестру с племянником. С трудом нахожу ту, в которую букет смог поместиться, и, налив холодную воду, несу его на столик в гостиную.

– У тебя появился поклонник? – сзади раздается голос сестры, и я вздрагиваю от неожиданности. – Прости. Не хотела тебя напугать.

– Почему не спишь? – поворачиваюсь к ней.

– Немного переволновалась днем. Гарри плохо себя чувствовал.

– Сейчас уже все хорошо?

– Да. Вечером ему стало лучше.

– Хорошо.

– Как все прошло?

– Был полный зал, и мне аплодировали стоя, а после выступления просили автограф. Это было полной неожиданностью.

– Ты это заслужила, Роза. Это по-настоящему твое. Уверена, что однажды ты станешь настоящей звездой фламенко.

– Спасибо, Кори. Я принесла деньги. Завтра можно сделать заказ лекарств сразу на три месяца.

– Ты заработала так много? – глаза сестры округляются.

– Мне выплатили аванс к следующим выступлениям, – решаю не говорить Кори о моем странном знакомстве. – И владелец заведения думает организовать мои выступления еще и по пятницам.

– Уверена, что справишься, Роза? Не слишком ли большая нагрузка? У тебя совсем не будет времени на отдых.

– Я справлюсь, Кори. Не волнуйся за меня.

– Ох...сестренка. Как же я могу не волноваться? Если ты доведешь себя до переутомления, я буду винить в этом себя.

– Все будет хорошо, – подхожу и обнимаю ее.

– Обещаешь?

– Обещаю, сестренка, – отстраняюсь, взглянув на нее с улыбкой.

Глава 5

Эдриан

– Я не ждал вас сегодня, Эдриан. Насколько я помню, наши сеансы проходят по средам.

– Я знаю, – отвечаю, стоя у окна и засунув руки в карманы брюк. Смотрю на серый пейзаж города, окутанного туманом. Мое настроение полностью проецирует происходящее за стеклом.

В кабинете повисает противная тишина и я сам не знаю, зачем сегодня пришел.

– Как ваша мать? – следует неожиданный вопрос, и сердце сжимается в груди. Мало что в жизни может вывести меня из равновесия, но не то, что касается матери.

– Без изменений, – отвечаю, стараясь придать своему голосу безразличия.

– Вам не хватает ее? – следующий вопрос заставляет разозлиться.

– Она не умерла, – чувствую, как напрягается челюсть.

– Я знаю. Но вам не хватает общения с ней. Ведь так?

– Я пришел сюда не для разговора о своей матери.

– Хорошо. Тогда для чего?

– Я нашел новый экземпляр для своей коллекции.

– Вот как?

– И что же на этот раз?

– Я не могу сказать, пока не заполучу его.

– Вы боитесь?

– С чего вы взяли?

– Вы не хотите говорить мне, думая, что можете упустить и его заберет кто-то другой?

– Нет. Он достанется мне и точка, – слишком грубо отрезаю.

Бесполезно отрицать, что отказ Розы удивил меня. Я был полностью уверен, что она согласится, после того, как я заплатил ей за танец. Я видел, как загорелись ее глаза от вида денег, в очередной раз убедившись, насколько женщины меркантильные существа. Как только я достиг успеха и стал богат, на меня начали буквально охотиться, видя во мне только кошелек. Женщины на все были готовы, чтобы женить меня на себе. Не помню, когда именно это произошло, но в один прекрасный день я просто перестал воспринимать женщин серьезно. Для меня они были и остаются лишь хищными фуриями. Но в случае с Розой я не изменю своего решения. Я твердо намерен довести дело до конца и ее танец только еще больше распалил мой интерес. Когда я смотрю, как она танцует, внутри меня что-то происходит. Это ощущение сродни тому, когда я впервые вживую увидел шедевр Леонардо да Винчи “Мона Лиза”. В моей коллекции даже есть самая лучшая найденная за все время копия, за которую я заплатил большие деньги на аукционе. Не даром ведь фламенко признан шедевром нематериального культурного наследия. Танец Розы – это такой же шедевр, и я хочу быть единственным, кто будет им владеть и иметь возможность лицезреть. Это стоит того, чтобы пойти на крайние меры, и именно это я и планирую сделать в ближайшее время.

– Вы уверены, что вам это действительно нужно? В вашей коллекции и так много редких вещей.

– Таких у меня еще не было. И я на многое готов, чтобы он стал моим.

– Знаете, Эдриан. Я не стал бы вам этого говорить, если бы не сомневался. Но не в этот раз. Мне кажется, вы собираетесь ввязаться в какую-то авантюру, и боюсь, что это может очень сильно отразиться на вашей терапии. Мы многое с вами прошли. От много избавились, и я не хотел бы, чтобы мы вернулись к тому, с чего начали.

– Вам не за что переживать, Джон. Я контролирую ситуацию.

– Вы должны пообещать мне, что сообщите, если что-то пойдет не так.

– Я сообщу, доктор Нешвил. Мне пора. Всего доброго.

- Всего доброго, Эдриан. Передайте от меня привет своей матери.
- Обязательно.

Роза

– Отлично, девушки. Вы молодцы, – аплодирую своим ученицам. – Давайте еще раз первую связку и продолжим со второй. Только теперь уже без меня, – отхожу в сторону и наблюдаю за результатами учениц. – Стейси, выпрями спину и не спеши. Да, вот так. Умница. Белла, руки выше и старайся больше проворачивать запястья. Отлично. Запомните, девушки, фламенко – это не просто стиль танца, это ваши чувства и эмоции. Чтобы ваш танец нашел отклик у зрителя, вы должны вкладывать в него все, что вы чувствуете. Будь это радость, обида, боль, страсть или любовь. Это может быть что угодно, но оно должно отражаться в вашем танце. Будьте честны с собой и зрителем. Откройте себя, – подбадриваю девушек ритмичными хлопками в ладоши.

Боковым зрением замечаю вошедшую в зал миссис Дарк с которой мы ведем расчет по аренде.

- Девочки, продолжайте, – подхожу к женщине.
- Добрый вечер, Роза.
- Добрый вечер, миссис Дарк. Как вы?
- Хорошо. Спасибо. Вижу, ты уже приступила к работе? Соболезную о твоей матери.

Мне очень жаль.

- Спасибо. Мне пришлось. Это очень помогает отвлекаться.
- Понимаю тебя, – ее тон становится каким-то странным.
- А вы зачем зашли?

– Я здесь, чтобы сообщить всем арендаторам, что у нас сменился собственник. У него оказались свои планы на это место. И на этой неделе муниципалитетом было подписано разрешение о сносе здания для строительства бизнес-центра.

– О, господи... – шепчу, ощущая, будто меня окатили ведром ледяной воды. Ноги немеют, и мне приходится облокотиться рукой о стену, чтобы не упасть.

– Роза? Ты в порядке? – слышу где-то на фоне встревоженный голос миссис Дарк.

– Мисс Самерс! – рядом со мной оказываются мои ученицы и придерживают меня. – Что с вами?

– Мне жаль, Роза. Правда жаль. Все в полном шоке. Я тоже теряю работу, а у меня еще не погашен кредит на квартиру, – миссис Дарк достает из сумки какие-то документы и протягивает мне. – Это официальное уведомление. В нем указано, что ты должна освободить помещение в течении трех дней.

Беру документы дрожащей рукой и так крепко сжимаю, что бумага мнется.

– Всего доброго, Роза, – миссис Дарк уходит и оставляет меня с растерянными ученицами.

Отталкиваюсь от стены и иду к деревянным лавочкам, стоящим у окон.

– Что она вам сказала, мисс Самерс?

Сажусь и поднимаю взгляд на девушек, посмотрев на них сквозь пелену слез.

– Это конец. Полный провал, – шепчу срывающимся голосом.

– Вы нас пугаете, мисс Роза, – передо мной садится одна из учениц.

– Занятий больше не будет, девочки. Школа закрывается.

– Чтоооо?!

– Но как?!

– Не может быть!

– Мне жаль. Но это здание собираются снести, – мой голос совсем охрип.

– Что же нам теперь делать? Где тренироваться?

- Вам придется найти нового учителя.
- Но мы хотим учиться у вас!
- Простите меня, – встаю и скрываюсь в гримерной.
- Слышу за дверью, как девушки уходят и звуки затихают.

Я думала, что хуже, чем было, уже не может быть, но я сильно ошибалась. Я потеряла единственную память о маме и свою работу. Я осталась ни с чем. Ничто не сможет восполнить эту потерю. Я будто потеряла еще одного близкого и родного человека. Сердце разрывается в груди. Внутренности горят огнем. Хочется быть волком от отчаяния и боли.

Опускаюсь на пол, прижав ноги к груди. Облокачиваюсь головой о стену и поднимаю голову к потолку. Меня вдруг окутало полное бессилие. Оставшись без школы, я остаюсь без основного заработка. Найти хорошую студию в Нью-Йорке, где сумма аренды не будет заоблачной, просто невозможно. Это помещение было с самым удобным расположением и невысокой арендой. Наша школа просуществовала здесь долгих двенадцать лет. Теперь мне даже негде будет репетировать выступления. Это похоже на какой-то страшный сон.

Выношу последнюю коробку с вещами и ставлю в коридор. В последний раз возвращаюсь в зал и становлюсь перед зеркалом во всю стену, где прошло столько замечательных дней. Никогда не забуду наше первое занятие с мамой. Пришло совсем немного учеников. И мы переживали, что это была плохая затея. Но со временем мы набрали свою аудиторию. А потом уже просто работало сарафанное радио.

– Ты готова, Роза? – в дверях появляется Кори. – Аренда машины скоро закончится, если мы не поторопимся.

– Готова, сестренка, – в последний раз кидаю взгляд на родное сердцу место и выхожу, закрыв за собой дверь. – Пойдем, – поднимаю оставленную коробку и иду за сестрой по коридору.

Выходим на улицу и ставим последние коробки в багажник арендованной машины.

Кори садится за руль, а я на сиденье рядом с ней. Сестра заводит двигатель и выезжает на дорогу. Поворачиваюсь к окну и смотрю на заснеженные улицы большого города. Нью-Йорк красив, но это лишь его внешняя оболочка. На самом деле этот город может загладить и повернуть, словно через мясорубку, не оставив от человека и следа. Многие едут сюда за призрачной мечтой. Но правда в том, что Нью-Йорк никому не дает поблажек. В своей внешней, притягивающей взгляды красоте он жесток и безжалостен.

- Ты как, Роза? – Кори отвлекает от моих размышлений.
- Все будет хорошо, Кори, – смотрю на сестру, улыбнувшись.
- Обязательно будет, дорогая, – сжимает мою руку.

Раздается звук моего мобильного, и я достаю его из сумки. На экране высвечивается имя мистера Стила, и я нажимаю кнопку ответа.

– Да, мистер Стил.

– Хорошо, что дозвонился до тебя, Роза, – его голос звучит как-то глухо, и ощущение, что он запыхался.

– Да? Я вас слушаю.

– Ближайшие выступления отменяются. К нам заявись проверка и нашли грубые нарушения по противопожарной безопасности. Клуб временно закрыли.

– Ох...Надолго? – внутренности сжимаются, и к горлу подступает тошнота.

– Не знаю, Роза. Может месяц, а может и больше. Нам пригрозили большим штрафом и полной санитарной проверкой.

– Спасибо, что сообщили, мистер Стил. Надеюсь, у вас скоро все наладится, – выдавливаю из себя слова и отключаюсь.

Телефон выпадает из рук, и я хватаюсь за виски от резкой пульсирующей боли. Сгибаюсь пополам, положив лоб на колени. Кажется, еще немного и моя голова просто лопнет.

– Что случилось, сестренка? Тебе плохо? – голос Кори полон тревоги, и я чувствую теплую руку на своем плече.

– Просто заболела голова, – хрипло произношу.

– Тебе сообщили что-то плохое?

– Нет. Все хорошо. Не волнуйся, – решаю пока не сообщать сестре, что наша жизнь пошла под откос.

Приезжаем домой, и я заносу последнюю коробку с вещами, в которых сложены наши с мамой дипломы и кубки с разных конкурсных соревнований.

Снимаю сумочку с плеча, но из-за окутавшего тело полного бессилия та падает на пол, и все содержимое оказывается на полу.

Собираю выпавшие вещи, и на глаза попадает визитка, которую оставил тот странный мужчина. Еще раз прохожусь по имени, вспоминая бездонные глаза владельца и тело бросает в дрожь.

Отправляю визитку назад в сумку и кладу на стоящий в коридоре пуф.

Глава 6

Поспав ночью всего пару часов, сижу на кухне, допивая крепкий горький кофе. Еще совсем рано, но мне итак спешить некуда. Занятий по языку сегодня нет, репетировать мне не нужно, да и просто негде. И впервые за долгое время мой день абсолютно свободен.

– Ты совсем не спала? – звучит сонный голос сестры, зашедшей на кухню.

– Я же говорила, что вряд ли сегодня засну.

– Я очень переживала, когда ты сказала не запирать твою дверь на ночь. Ты все-таки решила больше не пить те таблетки?

– Да. С ними меня снова мучают ужасные головные боли. Запишусь на прием к своему доктору и попрошу прописать что-нибудь другое.

– Роза, я не хотела говорить тебе вчера, чтобы не расстраивать еще больше. Но когда мы в последний раз были с Гарри на обследовании, доктор посоветовал увеличить ему дозу лекарств.

– Беда не приходит одна, – смеюсь себе под нос, опустив голову.

– Прости меня, сестренка.

– Тебе не за что извиняться, Кори.

– Мы доставляем тебе только одни хлопоты, а еще все навалившееся.

– Не говори так. Вы самые близкие для меня люди. У меня нет никого, кроме вас.

– Я даже не знаю, чем могу помочь тебе, сестренка.

– Кори, тебе знакомо имя Эдриан Лоуренс? – направляю взгляд на нее.

– Хм...конечно. Это известный и очень успешный в Нью-Йорке бизнесмен. Владелец холдинга рекламных агентств. Ты разве не читала недавнюю статью о нем?

– Ты же знаешь, у меня нет времени на чтение чего-либо.

– Да. Прости, я не подумала. Я сейчас, – Кори поднимается и уходит в спальню. Вернувшись через несколько минут, она протягивает мне журнал, открытый на нужной странице.

Беру журнал из ее рук, и взгляд сразу падает на фото, где мужчина позирует в полный рост на какой-то премии.

– В этом году он победил в премии “Бизнесмен года”, – произносит Кори, пока я разглядываю фотографию. На ней он не выглядит таким устрашающим, как показался мне при нашей встрече. На подтянутой спортивной фигуре надет черный смокинг с бабочкой на белоснежной рубашке. Черные волосы аккуратно причесаны. Его губ касается легкая улыбка, а бездонный темный взгляд направлен прямо на меня. Смело можно назвать его очень привлекательным мужчиной. Но после нашего короткого общения я не могу воспринимать его с этой стороны. Для меня он также не понятен.

Прохожусь по тексту статьи, где указано, что уже в двадцать восемь лет он создал свое крупное рекламное агентство, которое за десять лет переросло в целый холдинг. Значит, ему сейчас тридцать восемь, и он старше меня на целых одиннадцать лет. Не думала, что у нас такая разница в возрасте. Дальше в тексте говорится о том, что он имеет свою сеть ресторанов не только в Нью-Йорке, но и в других городах соединенных штатов. Также в статье указано, что он заядлый коллекционер произведений искусства, и его коллекция насчитывает уже больше пятидесяти экземпляров.

– Я была в шоке, когда прочитала, что на последнем аукционе он заплатил четыре миллиона долларов за картину какого-то знаменитого художника. Представляешь, сколько у него денег? Если он готов платить такие деньжищи за вещь, которая будет просто без дела пылиться в доме. Все богатые люди со своими причудами. Никогда не понимала их.

Читаю дальше и удивляюсь тому, что, оказывается, у него испанские корни, а я даже не заметила этого. Тогда это хоть немного объясняет его любовь к испанской культуре. Но не объясняет того, что он предложил мне.

– Кстати, я раньше читала статью в другом журнале, и в ней было написано, что он состоит в отношениях со знаменитой фотомodelью Ребеккой Стоун. Там было их совместное фото. Если видела когда-нибудь ее – шикарная брюнетка с пышной грудью. Именно таких и выбирают бизнесмены вроде него. Но, на мой взгляд, она слишком искусственная. Он даже сделал ей предложение. Только, кажется, они так до сих пор и не поженились, – Кори рассказывает с таким воодушевлением информацию, которая меня точно не касается.

– Ясно, – вздыхаю и закрываю журнал, откинув его на край стола.

– А почему ты спросила про него? – на меня устремляется любопытный взгляд.

– Так просто, – пожимаю плечами. – Где-то слышала.

– Ладно. Пойду будить Гарри и приготовлю завтрак.

– Я лучше пойду еще полежу.

– Хорошо. Тебе нужно отдохнуть, сестренка.

Целый час сижу у изголовья кровати, крутя в руках визитку. Мое беспокойство за будущее племянника достигло предела. Я должна что-то сделать и попробовать рискнуть.

Беру телефон с тумбочки и дрожащими пальцами набираю номер, указанный на визитке.

Жду долгих три гудка с колотящимся в груди сердцем. Порываюсь сбросить звонок, когда на той стороне отвечают.

– Слушаю, – звучит знакомый низкий мужской тембр.

– Кхм...Мистер Лоуренс? – зачем-то спрашиваю, прочистив горло.

– Роза? – удивляюсь тому, что он сразу узнал меня.

– Д-да. Это Роза.

– Я знал, что вы позвоните.

Его самонадеянность поражает и в тоже время ужасно злит.

– Я хотела бы обсудить с вами условия, – стараюсь говорить уверенно, но голос предательски дрожит.

– Конечно. Сегодня в восемь вечера я жду вас в своем доме. Адрес вышлю в сообщении. До встречи, Роза.

– Мистер Лоуренс... – собираюсь возразить, чтобы перенести встречу на нейтральную территорию, но он уже отключается.

– Уф... – разочарованно выдыхаю и кидаю телефон на одеяло.

Машина такси останавливается у металлических кованых ворот в дорогом фешенебельном районе Нью-Йорка и, расплатившись с водителем, выхожу на морозный воздух. Пытаюсь понять, как мне пройти, и заметив металлическую панель с кнопками, направляюсь к ней. Но не успеваю дойти, как ворота с тихим звуком открываются передо мной.

Зачем-то кидаю взгляд по сторонам и иду по подъездной дорожке к двухэтажному особняку, построенному в не характерном для наших широт стиле. Скорее он больше напоминает дом в Испании. Их отличительная особенность – крыша, покрытая глиняной черепицей терракотового цвета. Наличие колонн, арок и множества закругленных элементов. Я видела такие на фотографиях, которые мама показывала из своей молодости.

Я представляла дом этого мужчины совсем другим. Скорее мрачным, сделанным из камня и напоминающим замок темного принца.

Оказываюсь у входной двери, и та внезапно открывается. В дверях появляется мужчина с сединой, в строгом костюме.

– Добрый вечер, мисс Самерс. Меня зовут Филип. Я дворецкий этого дома. Мистер Лоуренс ждет вас, – распахивает дверь шире и пропускает меня.

– Добрый вечер, Филип. Спасибо, – вхожу, и дверь за мной закрывается.

– Прошу, ваше пальто.

Снимаю пальто и передаю его мужчине.

Пробегаюсь быстрым взглядом по интерьеру дома и ловлю себя на мысли, что здесь очень красиво и по-домашнему уютно. Создается ощущение, что оформлением дома занималась женщина. Светлые тона стен, деревянный отполированный пол из дорогой породы дерева. По центру находится широкая лестница, ведущая на второй этаж и визуально разделяющая дом на две части.

– Следуйте за мной. Мистер Лоуренс в своем кабинете, – иду за мужчиной, разглядывая по дороге красоты. Проходим через просторную гостиную с большим камином, отделанным характерной для таких домов расписной плиткой. Мебель в бежево-голубых тонах придает помещению легкости и непринужденности. Оказываемся в каком-то холле, и дворецкий подходит к одной из дверей, постучав.

– Войдите! – звучит одобрение на той стороне твердым тоном и пульс внезапно ускоряется.

Дворецкий открывает дверь и входит, останавливаясь в дверном проеме.

– Мисс Самерс, сэр.

– Пусть войдет.

– Мэм, прошу, – отступает в сторону, и я прохожу в комнату.

Оказываюсь в помещении с обилием стеллажей, заставленных всевозможными книгами. Эдриан сидит за массивным темным столом, печатая что-то на ноутбуке.

– От меня еще что-нибудь требуется, сэр?

– Нет, Филип. Ты пока свободен.

– Хорошего вечера, – дворецкий прощается и закрывает за собой дверь, оставляя нас одних.

Эдриан закрывает крышку ноутбука и устремляет свои выразительные глаза на меня. Сегодня он без пиджака. На широких плечах белоснежная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами. Через открытый треугольник рубашки виднеется смуглая кожа груди.

Замечаю, как он проходит по мне взглядом, отчего начинаю переступать с ноги на ногу. Сегодня я без привычного для него сценического образа. На мне одеты обычные синие джинсы и темно-зеленый джемпер с высоким горлом. Волосы распущены, а на лице почти нет косметики.

Он будто отмирает, и его лица касается едва заметная улыбка.

– Присаживайтесь, Роза, – указывает рукой на кресло, стоящее напротив его стола.

Подхожу и сажусь, устремляя на него внимательный взгляд.

Внезапно он встает и обходит стол, присев на край столешницы прямо передо мной. Мне приходится поднять голову, чтобы смотреть на его лицо, а не на то, что оказалось на уровне глаз.

– Как вы добрались?

– Нормально, – не хочется начинать разговор с того, чтобы высказать ему недовольство о том, что мне пришлось ехать до него целых полтора часа.

– Выпьете чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Нервничаете?

– Немного.

– Расслабьтесь. Я не съем вас, – сегодня он ведет себя особенно самодовольно, но я решаю проигнорировать его тон.

– Кто научил вас танцевать, Роза? – следует внезапный вопрос.

– Хм...моя мама, – приходится прочистить горло.

От упоминания о маме в груди начинается ужасно щемить. Как же сильно я тоскую по ней.

– Ваша мама тоже профессиональная танцовщица?

– Да, – не хочется озвучивать ему, что она “была” ей.

– Откуда у нее такие познания о фламенко? Кто научил ее?

– С детства она занималась балльными танцами. И моя бабушка решила отправить ее учиться в Испанию, где мама окончила Андалузский университет фламенко в городе Севилья.

– Хм... – он поднимает руку, проведя длинными пальцами по щетине. – Тогда понятно, откуда у вас такие способности. Вы учились по классическим традициям.

– Верно. Но, может быть, мы перейдем ближе к делу, мистер Лоуренс?

– Конечно, – он поворачивается и берет со стола какие-то бумаги, протягивая их мне. – Мой адвокат составил договор, по которому я буду платить вам, – беру документ дрожащей рукой. – Но есть некоторые обязательные условия.

Поднимаю взгляд от документа, настороженно взглянув на него.

– Какие?

– Вы будете жить в моем доме. У вас будет своя комната. Отдельная студия для репетиций и помещение для выступлений.

– Что? Жить? С вами? – мой рот открывается от изумления.

– Всего на год. Если вы не пожелаете продлить договор, он автоматически аннулируется.

– Нет! Я не согласна! – подрываюсь с кресла, протягивая документы назад. – Может, я еще должна спать с вами в одной постели? Это уже слишком! – мотаю головой.

Взгляд мужчины устремляется на бумаги, которые трясутся от того, насколько дрожит моя рука.

– Заберите их, мистер Лоуренс! Я ухожу! – мой голос срывается и вижу, как мрачнеет его взгляд, а темные брови сходятся на переносице.

– Сядьте, Роза! – голос звучит резко. – Для начала изучите весь договор, а потом мы поговорим с вами, – отталкивается от стола и возвращается на свое место.

С секунду мешкаю, но все-таки возвращаюсь в кресло и начинаю изучать документ. Первым, на что обращаю внимания, что наше соглашение не подлежит разглашению. Если это станет известно общественности, мне придется заплатить крупный штраф. Дальше по тексту информация о том, что вся одежда и атрибуты для танцев мне будут предоставлены безвозмездно, и я смогу оставить их себе после истечения срока договора. Следующий пункт, от которого к лицу приливает жар и непроизвольно начинаю ерзать в кресле. В нем указано, что заказчик в лице Эдриана Лоуренса обязуется не вступать в интимную связь с исполнителем в лице Розы Самерс на протяжении всего срока договора. В случае нарушения данного пункта договор будет считаться автоматически аннулированным без возможности возобновления.

– Это пункт для вашего успокоения, Роза, – тишину нарушает его голос, и я поднимаю взгляд.

На его лице самодовольная ухмылка. Моя реакция явно позабавила его.

Снова опускаю взгляд на договор, доходя до пункта выплаты вознаграждения. Дыхание перехватывает, когда я вижу, что помимо выплат за каждый танец после окончания договора я получу полмиллиона долларов. Сердце начинает барабанить в груди от понимания того, что на эту сумму мы сможем отправить Гарри в Европу, где у него появится шанс на выздоровление. И еще даже останется.

Ознакомившись со всем текстом договора, возвращаю взгляд на Эдриана, который все это время внимательно наблюдал за мной.

– Что вы решили?

– Зачем вам нужно, чтобы я жила в вашем доме?

– Потому что я так хочу. Это достаточный аргумент?

– А ваша невеста не будет против, что в вашем доме живет какая-то женщина? – из меня вылетает вопрос, прежде чем успеваю подумать.

Кто меня только за язык тянет?

– Вы наводили обо мне справки? Или узнали меня, но сделали вид, что видите впервые? – отталкивается от высокой спинки кресла и кладет локти на стол, посмотрев на меня сканирующим взглядом своих пронзительных глаз.

– Нет... я не читаю прессу. Я действительно увидела вас в первый раз. Моя сестра читала о вас в каком-то журнале.

– У вашей сестры информация из желтой прессы. Я никогда никому не делал предложений. И наши отношения с той девушкой вряд ли можно было назвать серьезными.

– Ох...ладно. Простите.

– За что вы просите прощение, Роза?

– За то, что лезу не в свое дело. Это меня не касается.

– Вы не только прекрасно танцуете, но еще очень умная и мудрая женщина. Это похвально, – опять череда комплиментов с его стороны выбивают почву из-под ног.

– У меня тоже есть одно условие, прежде мы подпишем с вами договор.

– Я весь во внимании.

– Я прошу, чтобы мою комнату запирали на ночь с внешней стороны и отпирали утром.

– Для чего? – черная бровь приподнимается.

– Не спрашивайте. Просто сделайте, как я прошу. Только на таких условиях я подпишу договор.

– Хорошо. Не вижу в этом никаких проблем. Я передам распоряжение горничной.

– Спасибо. Можно ручку?

– Конечно.

Ставлю свою подпись и передаю договор. Он берет договор из моих рук и кладет на стол.

– Роза... – протягивает руку через стол.

С секунду смотрю на его руку, но все-таки протягиваю свою.

– Эдриан... – чувствую, как он несильно сжимает мою маленькую холодную ладошку своей большой и теплой.

– Пойдемте, я покажу вашу комнату, – отпускает мою руку, которая до сих пор покалывает от его прикосновения.

– Ноо...я, не брала с собой вещи. Могу я сегодня еще заночевать дома?

– Можете. Я просто покажу, где вы будете жить. А завтра мой водитель заедет за вами утром, чтобы помочь перевезти вещи.

– Хорошо. Спасибо.

Следую за Эдрианом, уткнувшись взглядом в мощную мужскую спину. Чувствую себя не менее странно, чем в нашу первую встречу. Правильней даже сказать, что у меня появилось к нему еще больше вопросов. Он слишком непонятный. От него веет опасностью. Не знаю, к чему приведет вся эта затея. Возможно, я совершаю самую большую ошибку в своей жизни. Уверена, что мама не одобрила бы. Но я просто не вижу другого выхода.

Эдриан ведет меня на второй этаж и поворачивает направо. Подходит к первой двери и распахивает ее.

– Здесь вы будете жить, – произносит, повернувшись ко мне.

Вхожу в комнату и осматриваюсь. Помещение намного просторней моей спальни в квартире. Здесь достаточно светло. У левой стены стоит королевских размеров кровать с кованым изголовьем. Рядом дверь, ведущая в собственную ванную. Мебель и текстиль в коричнево-бежевых тонах придают уют и тепла. Здесь приятно пахнет цветами и чистотой.

– Ваше молчание можно воспринимать как удовлетворение увиденным?

- Да. Мне нравится.
- В танце вы не такая сдержанная на эмоции, – звучит неожиданное замечание, и я оборачиваюсь, встретив черный взгляд, заглядывающий в самую душу.
- Я привыкла демонстрировать свои эмоции через танец.
- Наверно, поэтому ваши танцы и выходят такими завораживающими. Убежден, что вы не раз еще удивите меня, Роза.
- А где ваша комната?
- Слева от лестницы. Первая дверь, как и ваша.
- Понимание того, что наши комнаты будут не так уж и далеко, отдается волнением.
- Если вам недостаточно пункта в договоре. Можете запирайте комнату еще и с внутренней стороны, – отвечает, прочитав на моем лице замешательство.
- Мне лучше уже вернуться домой, чтобы успеть собрать вещи, – хочется поскорей скрыться от его глаз и хорошенько обдумать произошедшее.
- Хорошо. Мой водитель отвезет вас.

Глава 7

Эдриан

– Доброе утро, – в дверном проеме моего рабочего кабинета появляется исполнительный директор по финансовым вопросам и по совместительству мой близкий друг, который со мной почти с самого начала пути в рекламном бизнесе.

– Доброе утро, Рик, – подписываю очередной документ, принесенный моей помощницей.

Друг проходит и садится в кресло напротив моего стола, расслабленно закинув ногу на ногу.

– Какие новости? – задает вопрос.

– Я объявляю их на совете директоров через десять минут.

– Я не об этом, – произносит, и я поднимаю на него взгляд. – Как прошла вчерашняя встреча?

– Она согласилась на мои условия.

– Хм...или она такая же сумасшедшая, как и ты, или не ровно дышит к тебе.

– Ошибаешься. Она неровно дышит к деньгам, как и весь женский пол.

– Я только одного не могу понять, зачем тебе нужно было, чтобы она жила с тобой?

– Потому что я так хочу.

– Или ты все-таки решил исполнить мечту своей матери?

– О чем ты, Рик?

– Она же так хотела женить тебя, и чтобы наконец-то появился наследник.

– Нет. Это совсем другое. Между нами ничего не может быть. Этот пункт прописан в нашем договоре. Считай, что она работает на меня.

– Если эта женщина зацепила тебя, значит, она в твоём вкусе, Эдриан.

– Меня зацепил ее танец. Это совсем другое. Никакого интима быть не может. Она танцует, а я просто смотрю. И ничего больше.

Бесполезно отрицать, что Роза более чем в моем вкусе. Стройная миниатюрная брюнетка с аккуратными чертами лица. Но ее красота иная. Она отличается от всех тех женщин, которые были у меня. В ней есть какое-то изящество и хрупкость. Ее нефритовые глаза могут свести с ума многих мужчин. Вот только я не из тех, кто поддастся на такое. Как только даешь слабину, женщина быстро впивается в твою глотку цепкими клешнями.

Я знал, как ускорить согласие Розы, и специально попросил своего адвоката написать сумму вознаграждения, которую выплачу ей по окончании договора. Женщины так предсказуемы в делах, когда они касаются денег.

– Никак не могу понять тебя, Эдриан. Хотя и знаю столько лет. Ты ведь понимаешь, что она живой человек, а не очередная вещь в твоей коллекции?

– Я сам решу, кем она является. Не лезь, куда тебя не просят.

– А что, если она вовсе не такая, как тебе кажется? – Рик никак не унимается.

– Они все одинаковые.

– Она хоть знает о твоей матери?

– Нет.

– Ты не собираешься ей сказать, что она тоже живет с тобой?

– Я пока не думал об этом. Ей еще нужно освоиться в доме. Для нее все будет слишком новым. Не факт, что они вообще будут пересекаться. Дом слишком большой.

В дверь раздается стук и входит моя помощница.

– Мистер Лоуренс, я уже могу забрать документы, которые оставляла для подписи?

– Можешь, Глория, – протягиваю пачку документов, и та направляется ко мне, виляя бедрами, с широкой улыбкой на накрашенных губах.

– Замечательно. Спасибо, – берет бумаги и идет к выходу под похотливым взглядом друга.

– Она прямо сейчас готова выпрыгнуть из своих трусиков, – произносит Рик, когда дверь за девушкой закрывается.

– Ты же знаешь, я не смешиваю личную жизнь и работу. Потрахаться я могу в любое другое от работы время.

– Можно же совмещать приятное с полезным. Моя помощница отлично справляется со своими обязанностями.

– Если я когда-нибудь застукаю вас, ей придется уйти с компании. А ты получишь от меня выговор. Мы здесь не для того, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности. Мы занимаемся здесь важным делом, Рик.

– Я знаю, Эдриан. Я всегда осторожен.

– Надеюсь. Нам пора. Сопровождение скоро начнется, – кидаю взгляд на наручные часы. – Если мы заполучим этот контракт, наконец-то сможем выйти на европейский рынок.

– Пойдем. Сегодня важный день, – поднимается с кресла, направляясь из кабинета.

Роза

Выхожу за водителем, несущим мой чемодан, и жду, пока он поставит его в багажник.

Он открывает мне заднюю дверь, и я сажусь в салон, пахнущий дорогой кожей и каким-то ненавязчивым ароматизатором. Становится не по себе от всего происходящего со мной.

Пришлось придумать нелепую историю для Кори, что меня наняли для обучения танцам в частной танцевальной школе в Бруклине и предоставили бесплатное жилье, чтобы мне не приходилось добираться до студии по несколько часов. Сестра совсем не хотела отпускать меня, переживая, как я буду справляться без ее присмотра.

Сегодня я опять не спала почти всю ночь. Меня окутывает странное предчувствие, что все окажется не так просто, как может показаться. Я никогда не жила с кем-то, кроме мамы или сестры. А с моими проблемами все может только усложниться. Не хочется, чтобы из-за боязни ко мне снова вернулась тревожность и сон совсем пропал.

– Сразу в особняк, мэм? – интересуется водитель.

– Да, пожалуйста.

Выезжаем в город, и я отворачиваюсь к окну, стараясь взять себя в руки. Меньше всего хочется приехать в свое новое жилище на ближайший год с глазами испуганного котенка.

Через полтора часа утомительной дороги заезжаем на участок перед особняком и сердцебиение начинает учащаться.

– Заходите в дом, мэм. Я отнесу чемодан в вашу комнату.

– Спасибо.

Захожу в дом и на входе меня встречает женщина в черно-белой форме.

– Добрый день, мисс Самерс. Меня зовут Бэт. Я ваша личная горничная. Я буду выполнять все ваши поручения, в том числе просьбу запирать и отпирать дверь комнаты. Мистер Лоуренс попросил меня показать вам другие комнаты. Следуйте за мной.

– А где сам мистер Лоуренс?

– Он в офисе. До позднего вечера его не будет. Он часто задерживается на работе.

Значит, днем я буду полностью свободна от его присутствия и это не может не радовать. Мне никто не будет мешать репетировать и иногда навещать Кори с Гарри. А также заниматься испанским онлайн с учениками. Пришлось договориться о переводе занятий в онлайн режим, как это было раньше, во времена локдауна.

Следую за женщиной на второй этаж, проходя мимо моей комнаты. Доходим до конца коридора, и она открывает последнюю дверь.

Оказываемся в пустой угловой комнате с большими открытыми окнами и одной зеркальной стеной. Паркетное напольное покрытие прекрасный плюс. Отличная небольшая студия для тренировок и репетиций.

– Зал для выступлений находится в левой части. Я покажу.

Иду за ней в ту часть дома, где находится комната хозяина. Горничная подходит к следующей двери и открывает ее. Захожу за ней и на секунду замираю от того, как здесь темно. Женщина нажимает выключатель, и помещение озаряет тусклый свет.

Взгляд сразу падает на черные стены и пол, покрытый ковровым покрытием. Слева – небольшая деревянная сцена, перед которой в ряд стоят несколько кресел из темного-бордового бархата.

Сразу видно, что изначально помещение было оборудовано под домашний кинотеатр, но его немного переделали. Там, где сейчас сцена, за бордовыми шторами виднеется белый экран для проектора.

– Нам сюда, – горничная идет в глубь помещения, к двери, ведущей в небольшую смежную комнату. Это оказывается гримерная, в которой находится туалетный столик с большим зеркалом и подсветкой. На столике стоят многочисленные коробки с аксессуарами для танца. Там есть и веера, и кастаньеты. Даже украшения для волос и новая дорогая косметика.

Замечаю шкаф и подхожу к нему, распахивая дверцы.

Перестаю дышать, увидев перед собой потрясающей красоты сценические наряды. Платья, пошитые настоящими профессионалами прямо под мой размер. Каких только цветов тут нет. Красный в белый крупный горошек. Синий с белыми лилиями. Черный в желтый горошек. Зеленый с красными маками. И много других. Глаза разбегаются от такой красоты. Ни один мой наряд не сравнится с этими. Маленькая девочка внутри меня, которая в детстве так любила примерять мамины платья, просто ликует от восторга.

Внизу целая полка, заставленная новыми туфлями под цвет к платьям.

– Я оставляю вас. Можете осмотреться. Если я вам понадобится, позвоните по внутреннему телефону из вашей комнаты. Просто наберите цифру пять. Это мой номер, по которому вы в любое время можете связаться со мной.

– Благодарю, Бэт.

– Хорошего дня, мисс.

Остаюсь одна и подхожу к туалетному столику. Достая из коробки один из вееров синего цвета, расправляя его с характерным звуком. Даже нет сомнений, что он сделан вручную. Навероятно тонкая и изящная работа. Черная рукоятка из приятного на ощупь материала. Сверху он отделан черным ажурным кружевом и расписан в необычной технике.

Кладу вещь назад и смотрю на следующую коробку, в которой лежат кастаньеты. Их тоже множество вариантов, и каждая пара отличается от другой. Игра на кастаньетах считается целой наукой. Этой технике мама учила меня отдельно. Не могу сказать, что мне давалось это легко. Сначала мы начинали с самых азов. С пяти нот на которых строятся все основные ритмы. Далее программа усложнялась с каждым разом, после которой мои руки и пальцы ужасно болели. И только после того, как техника была отточена, мы перешли непосредственно к постановке танца.

Мама говорила, что я ловила все на лету, хоть мне сначала казалось, что я очень неуклюжа.

Перевожу взгляд дальше, на стоящий стул, где стопкой лежат manton – испанская шаль с бахромой. Даже на расстоянии вижу, что все они сделаны из шелка с ручной вышивкой.

Эдриан оказался настоящим ценителем и имеет невероятный вкус.

В последний раз бросаю взгляд на окружающую обстановку, понимая, что мне придется привыкать к этому месту, и направляюсь на выход, чтобы порепетировать новый танец, который мне предстоит станцевать для моего необычного работодателя.

Глава 8

Пишу ответ на сообщение от Зои, едва не плача, что ближайший год с работой преподавателя танцев я закончила и откладываю телефон на прикроватную тумбочку. Уже поздний вечер, и я совсем не знаю, чем себя занять. Непривычно ничего не делать. В голову начинают лезть разные грустные мысли и горькие воспоминания о маме. Большую часть дня я репетировала танец и даже не заметила, что не обедала. Только когда Бэт пришла и сказала мне, что скоро время ужина, я решила, что не стоит морить себя голодом. Кто знает, как часто Эдриану приспичит просить танцевать для него. Мне нужна энергия и силы.

Раздается стук в дверь и непроизвольно напрягаюсь.

– Да? – произношу и дверь открывается. В комнату входит Эдриан и замечает меня, сидящую на кровати со сложенными в позе лотоса ногами. Он все еще в деловом костюме, только держит пиджак с галстуком в руке.

Вернулся и сразу пошел ко мне?

Он выглядит немного уставшим и каким-то задумчивым.

Вижу, как он проходит мимо меня взглядом своих черных глаз и начинает одолевать странное волнение.

Я только недавно вышла из душа и совсем забыла, что натянула обтягивающую майку, не надев под низ бюстгальтер. Мои волосы еще не высохли до конца и свисают небрежными влажными прядями. Совсем не подумала, что он может застать меня в таком виде. Впредь нужно будет быть осторожней и предусмотрительней. Пора привыкать, что здесь я никогда не смогу вести себя как дома.

– Добрый вечер, Роза. Не помешал? – его голос немного охрип.

– Добрый вечер, Эдриан. Нет.

– Надеюсь, ты успела освоиться?

Значит, мы уже перешли на ты?

– Немного.

– Бэт показала тебе комнаты?

– Показала.

– Мне нужно спрашивать или ты сама поделишься своими эмоциями от увиденного?

– Вы...кхм...ты про то, понравилось ли мне?

– Верно, – ухмыляется.

– Более чем.

– И все? – черная бровь приподнимается.

– Что еще я должна сказать?

– Я хочу видеть твои настоящие эмоции, Роза.

– Я покажу их в своем танце, – смотрю на него, не отводя взгляда.

Не слишком ли много он требует от меня?

– Отлично. Ты ужинала?

– Да.

– Тогда через пол часа я жду тебя на сцене, – разворачивается и уходит, оставляя меня в полной растерянности.

Не думала, что все завертится так быстро.

Что-то мне подсказывает, что Эдриан Лоуренс еще покажет себя. А самое главное, что он пытается вывести меня на эмоции. Я привыкла скрывать их. Иногда мне самой кажется, что я живу какой-то странной жизнью. Я будто проживаю две разных себя. Я отдаю себя танцу, но в жизни я будто коплю эмоции, не зная для чего или кого.

Сползаю с кровати и, быстро высушив волосы, направляюсь в свою гримерную.

Открываю шкаф и снимаю с вешалки зеленый наряд с красными маками. Беру туфли под цвет платья. Подхожу к столику и достаю из коробки кастаньеты красного цвета. Из другой – заколку в виде пышного цветка мака.

Быстро снимаю одежду и переодеваюсь.

Пол часа оказывается не достаточно, и я понимаю, что уже опаздываю на десять минут, когда заканчиваю с прической. Меня уже потряхивает от окутывающего волнения.

Раздается стук в дверь и пульс еще больше ускоряется.

– Роза, ты скоро? Я не люблю ждать.

– Да, я сейчас! – бросаю последний взгляд на себя в зеркало и беру кастаньеты.

Открываю дверь и замечаю Эдриана, расположившегося на кресле. Он переоделся. Сейчас на нем черная хлопковая футболка, открывающая смуглую кожу рук, и такого же цвета свободные спортивные штаны.

Как только он видит меня, даже на расстоянии, замечаю, как его глаза загораются. Он подносит руку и проводит пальцами по подбородку, едва заметно улыбнувшись.

Молча поднимаюсь на сцену и останавливаюсь по центру. Становлюсь в начальную позицию, выставив полусогнутую ногу вперед. Руки сгибаю перед собой на уровне живота. Левую поворачиваю ладонью в вверх, а правую держу ладонью вниз, будто в моих руках сейчас круглый шар.

Поднимаю взгляд и устремляю его прямо на Эдриана, который, кажется, перестал дышать.

Начинаю работать пальцами, выбивая ритмичную трель кастаньетами. Поднимаю правую руку над головой и левую завожу за бок. Добавляю к ритму кастаньет стук каблуками туфель и проваливаюсь в танец, вкладывая в него всю себя.

Стараюсь держать зрительный контакт с Эдрианом каждый раз, когда поворачиваюсь лицом к нему. Тело обдает жаром. Температура в помещении накаляется до предела. Кожа покрывается мурашками.

Меня накрывает чувство эйфории. Впервые за последние дни я ощущаю что-то, напоминающее мимолетное счастье. Удивляюсь сама себе, когда начинаю улыбаться.

Делаю последний стук каблука об пол и завершаю свой танец последней трелью кастаньет.

Тяжело дышу, продолжая улыбаться.

Жду хоть какой-то реакции от Эдриана, но он все также сидит в кресле, не сводя с меня пронзительного черного взгляда. Его лицо выглядит слишком мрачным.

Улыбка уходит с моего лица, и все волшебство момента улетучивается.

Может, в этот раз ему не понравилось?

Собираюсь уйти со сцены, но Эдриан резко поднимается, в два шага оказавшись передо мной.

– Eres una obra maestra, Rosa, – внезапно произносит на испанском, и дыхание перехватывает от его идеального произношения. Из его уст этот язык звучит слишком эротично. – Ты ведь поняла, что я сказал, Роза?

– Д-да, – сглатываю вязкую слюну. – Что я шедевр.

– Ты мой шедевр, – подходит ближе и непроизвольно отступаю на шаг назад.

Заметив мою реакцию, он больше не пытается приблизиться, а лишь смотрит на меня темным бездонным взглядом, затягивающим в свою бездну. Наступает молчаливая пауза, в которой я слышу свое сердцебиение.

– На сегодня достаточно. Возвращайся к себе. Доброй ночи, – разворачивается и уходит, оставляя меня одну с зашкаливающим пульсом.

На дрожащих ногах возвращаюсь в гримерную и сажусь на стул перед туалетным столиком, медленно расплетая волосы. В ушах так и стоит фраза, сказанная им.

В каком-то странном, зачарованном состоянии переодеваюсь в домашнюю одежду и выхожу из гримерной, направляясь в свою комнату.

Открываю дверь и чуть не охаю, увидев лежащий на кровати огромный букет ярко-алых роз. Таких же, как и подаренные в прошлый раз. Только теперь их гораздо больше.

Набираю по внутреннему номеру Бэт и прошу ее принести большую емкость для букета и за одно попросить, чтобы она заперла мою дверь.

Эдриан

– Как вы сегодня, Эдриан? – интересуется доктор Нешвил, внимательно посмотрев на меня.

– Мне обязательно отвечать на этот вопрос?

– Если я его задал вам, значит, это важно.

– Я не знаю.

– Что значит вы не знаете? С вами что-то произошло?

– Произошло. Я заключил самую крупную сделку в своей жизни и теперь смогу выйти на европейский рынок. А еще я наконец-то заполучил тот экземпляр для своей коллекции.

– Вы чувствуете себя растерянным?

– Я чувствую себя неудовлетворенным и мне ужасно не нравится это чувство.

– Вы добились того, чего хотели, но вам этого мало? Я правильно вас понимаю?

– Да. Наверно, так.

– Вы расскажите мне, что же это за вещь, которую вы приобрели?

– Это не вещь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это женщина.

– Женщина?

– Да.

– Эдриан, я многое могу понять как ваш психотерапевт. Вы через многое прошли в детстве. С вашей матерью случилась беда, и вам очень не хватает общения с ней, но вы говорите о живом человеке, как о чем-то неодушевленном. Вы очень умный и всесторонне развитый человек, и я не могу представить, что вы можете такое сделать.

– Я ничего такого не сделал. Она добровольно согласилась на мои условия.

– Кто она и на какие условия вы вынудили ее согласиться?

– Она профессиональная танцовщица фламенко. Я предложил ей танцевать для меня. Мне нужен ее танец. Если бы увидели, как она танцует, вы бы поняли меня.

– Фламенко?

– Да.

– Кажется, я понял. Испанский танец, напоминающий вам о месте вашего рождения и о кусочке счастливого детства.

– Я не думаю об этом, когда она танцует для меня.

– А о чем вы думаете, Эдриан?

– Об ее движениях. Об эмоциях, которые она передает своим танцем. Я подпитываюсь энергией, исходящей от нее в тот момент.

– Что вы чувствуете, когда она танцует для вас?

– Радость. Восторг. Удовольствие...

– Желание? – добавляет доктор и я запинаюсь.

В памяти всплывает картинка произошедшего на прошлой неделе. Не знаю, что мной двигало в тот момент, когда я приблизился к ней.

Кажется, я не совсем осознавал, что делаю. Я хотел прикоснуться к ней. Хотел ощутить под пальцами нежную жемчужную кожу. Ее нефритовые глаза, смотрящие на меня все время танца, манили к себе.

– Эдриан? – Джон окликает меня, выводя из минутной задумчивости.

– Да?

– Как ее зовут?

– Роза.

– Красивое имя.

– Как и его владелица.

– Уверены, что вас заинтересовало только ее умение танцевать?

– К чему вы клоните, Джон?

– Когда вы говорите о ней, ваше лицо меняется. И вы начинаете сжимать руки, – опускаю взгляд на свои руки, увидев, что они сжаты в кулаки.

– Меня интересует только ее танец. Она просто работает, а я плачу ей за это.

– Как ваши сновидения, Эдриан? – резко переводит тему.

– Они потускнели. Теперь я не так часто просыпаюсь по ночам.

– Они изменились?

– Нет. Я вижу все тот же сон.

– Как давно это началось?

– Не так давно.

– Может, вы что-нибудь вспомнили?

– Ничего.

– Но вы все еще хотите узнать, что случилось в тот день?

– Если это мне поможет.

– Чтобы вы могли двигаться дальше, вам это просто необходимо. Правду знает только ваша мать. Но, к сожалению, она уже ничего не сможет рассказать. И вы должны быть готовы, что правда может оказаться очень болезненной.

– Я готов.

– Хорошо. Тогда у меня есть для вас задание, Эдриан.

– Какое?

– Постарайтесь хотя бы неделю не видеться с Розой.

– Вы думаете, перемены в моих снах как-то связаны с ней?

– Я не могу ничего утверждать. И все же постарайтесь придерживаться моей просьбы.

– Это будет сложно.

– Почему?

– Она живет в моем доме?

– Даже так?

– Да. Это было одним из условий договора.

– Тогда вам придется постараться как можно реже видеться с ней. Повремените с танцами. А через неделю на очередном сеансе мы поговорим с вами.

– Хорошо, Джон, – уверен, что это никак не связано с Розой, но все же выполню просьбу доктора.

Задерживаюсь на работе до десяти, занимаясь изучением плана по ближайшим крупным проектам. Непривычно не спешить домой и не планирую возвращаться до глубокой ночи. Сегодня у меня другие планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.